

**«Дагестан - моя любовь,
Россия - моя надежда,
Их достоинство и благополучие -
Смысл моей жизни»**

**Президент Республики Дагестан
Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов**

**АВТОР БЛАГОДАРИТ
РАМАЗАНА АБДУЛАТИПОВА
И РУСЛАНА КУРБАНОВА
ЗА НЕОЦЕНИМУЮ ПОМОЩЬ
В ИЗДАНИИ ДАННОЙ КНИГИ
И В ПРОВЕДЕНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ФЕСТИВАЛЯ ДРУЖБЫ
«БЕЛЫЕ ЖУРАВЛИ РОССИИ»**

МНОГОЯЗЫКАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ

Живут в Дагестане горцы-аварцы

стихи аварских поэтов в переводах
Сергея Соколкина

иллюстрации
Ярославы Соколкиной
и Галины Гагариной

Москва
«PubMixRus»
2013

УДК 82-145
ББК 84(2Рос=Рус)

Ж67 Живут в Дагестане горцы-аварцы: стихи / пер. Сергей Соколкин; ил. Ярослава Соколкина, Галина Гагарина. – М.: PubMixRus, 2013. – 212 с.: ил.

ISBN: 978-5-8853-2759-6

В книгу известного русского поэта вошли избранные переводы стихов классика дагестанской литературы Расула Гамзатова и современных дагестанских аварских поэтов разных поколений – Абдуллы Даганова, Магомед Ахмедова, Залму Батировой и Гамзата Изудинова. Их поэзию отличает высокое гражданское чувство, твёрдая жизненная позиция и безграничная любовь к своей малой Родине – Дагестану и Великой бескрайней России. Так же в книге немало стихов о любви и верности, преданности тому единственному чувству, что одно порой и поддерживает нас в нашей нелегкой жизни.

© С. Соколкин, 2013

© Я. Соколкина, Г. Гагарина, иллюстрации, 2013

© PubMixRus, 2013

Поэтическое гнездовье Кавказа

Горный край Дагестана не мог не родить большой поэзии. Думаю, все горцы несут в себе мудрую таинственность стиха. Легенды и мифы, песни и сказки передавались из поколения в поколение. Но огранку эти поэтические камушки Кавказа получили в мастерской великой русской культуры. Недаром и Александра Пушкина, и Михаила Лермонтова горцы считали своими поэтами. Почва родной земли, мудрость гор соединялись в долине Дагестана с глубинной всечеловечностью русской культуры.

В этом году мы отмечаем не просто 90-летие Расула Гамзатова, но и 90-летие дагестанского поэтического феномена. Конечно, ничего не рождается на пустом месте. У великого поэта Дагестана Расула Гамзатова был и не менее великий отец Гамзат Цадаса, а у него были свои народные предшественники. Был и Эффенди

Капиев, и другие... Но как за первым камушком порой начинается лавина, так и за первыми стихами Расула Гамзатова в мировую культуру устремилась поэзия гор.

Сам Расул Гамзатов писал: «Если к прекрасной аварской поэзии я прибавил хотя бы три камушка, если в моих стихах есть столько огня, что его хватит для того, чтобы прикурить три папиросы, то всем этим я обязан Москве, русской литературе, моим друзьям и учителям».

Сейчас мы видим в поэзии Дагестана уже не три камушка, но целое поэтическое гнездовье Кавказа. Вослед за великим Расулом потянулись Абдулла Даганов и Магомед Ахмедов, Залму Батирова и молодой поэт Гамзат Изудинов. И уже их поэзия покоряет сердца русских читателей от Владивостока до Мурманска.

В своем стихотворении, посвященном памяти Расула Гамзатова, его ученик, ныне народный поэт Дагестана Ма-

гомед Ахмедов пишет:

Мой учитель и друг,
Ты всегда был для нас великаном, –
Чистый горский родник
Сделал ты мировым океаном.
...После смерти твоей
В доме плача согласия нету...
Если честно сказать,
Ты один,
Лишь один был Поэтом.

Может, в чем-то и горькие строки Ахмедова о хилой струйке поэзии, стекающей к подножию гамзатовской горы, в то же время подтверждают и наличие новых поэтических родников. Все когда-то начинают с родниковой поэзии, но поток ширится, растет, течение становится бурным и стремительным, а впереди – открытое море великой культуры. И вот уже ныне тот же Магомед Ахмедов становится признанным российским поэтом, выступает на Пушкинских вечерах поэзии в Михайловском. И уже как-то неудобно гово-

рить о его хилой поэтической струйке, скорее стремительная горная река!

Другой народный поэт Дагестана, Абдулла Даганов тоже обращается за поддержкой к мудрости и мужеству уходящих старцев. Вот его дед незадолго до смерти прощается со своим кинжалом:

Он к щеке клинок зазубренный прижал,
Словно кровью,
Обагрил слезой кинжал.
Нет, не с жизнью старый горец расставался, —
Он последний раз кинжал в руках держал.

Недавно в Москве, на Яузском бульваре открыли памятник великому поэту Расулу Гамзатову. Я рад, что на открытие памятника приехал президент России Владимир Путин. Это и дань уважения храбрым и стойким народам Кавказа, это и дань уважения всенародно любимому Расулу Гамзатову, это и не столь уж частое обращение нашего президента к российской литературе, к поэзии как таковой. Путин сказал, что

«Гамзатов был выдающимся гражданином, понятным и близким для всех, кто знал и любил его поэзию. Поэт был искренне убеждён, что чувство Родины, настоящий патриотизм и национальная гордость за свой народ не могут соперничать друг с другом. И народам России будет хорошо только в том случае, если они будут вместе. Он призывал не слушать безответственных ораторов, которые пытаются поссорить людей и оторвать их друг от друга. Вместо этого надо отдать все силы на сохранение и умножение многовековой самобытной культуры всех народов России. Для нас сегодня это звучит как призыв».

И впрямь поэзия Расула Гамзатова наполнена любовью к своему народу, к своей земле, к родному Дагестану, и он щедро передает это чувство любви и почвы всем людям, всей мировой культуре.

Орлы лишь,
Как немые истуканы,
Сидят вдали от суетной орды
И не спешат – в заморские туманы,
Меня Родину в час смуты и беды.

«Поэзия без родной земли, без родной почвы – это птица без гнезда», – говорил Расул Гамзатов.

А далее «птица» летит в Россию, ко всем русским, и уже далее ко всему человечеству.

Нынче приходит к народам России ясное понимание общности своей судьбы, общности своей культуры. Русским поэтам важен и нужен и Расул Гамзатов, и Магомед Ахмедов, и Абдулла Даганов, но даже великому Расулу Гамзатову было бы трудно войти в мировую литературу без русской культуры, без русских переводчиков. Дагестанские поэты прославили на весь мир свои горы, но русскими поэтами их сделали блестящие мастера перевода Владимир Солоухин, Сергей Городецкий, Наум Гребнев, Елена Нико-

лаевская, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц. Сами – немалые поэты.

И здесь надо сказать, что школа русского стихотворного перевода тоже сохраняет свои позиции. На смену уже ставшей классической школе поэтического перевода пришли переводчики нового призыва. И тоже, как правило, прекрасные поэты. Один из них – Сергей Соколкин, чью немалую поэтическую энергию я хорошо познал, работая с ним вместе долгие годы в газетах «День» и «Завтра» Александра Проханова. Думаю, его поэтические переводы дагестанских поэтов ничем не уступают классическим переводам Наума Гребнева или Владимира Солоухина. Впрочем, читатели убедятся в этом сами. Надеюсь, иные из его переводов тоже станут популярными песнями, подобно «Журавлям» Расула Гамзатова в переводе Наума Гребнева. Тем более, что в поэтическом активе Сергея Соколкина уже есть немало известных, полюбившихся нашему народу песен.

В этой книге представлены некоторые переводы Сергея Соколкина стихов аварских поэтов - Расула Гамзатова, Абдуллы Даганова, Магомед Ахмедова, Залму Батировой и молодого поэта Гамзата Изудинова.

Клятвой верности звучат стихи Залму Батировой, верности, так нужной сейчас и нашим народам:

Опасною тропой, когда, сгущаясь, тучи
Закроют небеса, пойду, не дрогнув, дальше.
Лишь пусть в груди твоей любви не гаснет лучик
И освещает путь мой среди мира фальши.

А разве не чувствуется родство поэтических душ, русской и аварской, в том же переводе Гамзатовского стиха: «Из раны кровь течёт. Рыдать Сомнительна причина. Коль кровь твоя – Дороже слёз, Какой же ты мужчина?!», или же в переводе стиха Ахмедова о гибели двух поэтов:

Моя горная речка – не Черная речка,
В ней великой поэзии бьется родник.
Возвращаюсь я в горы, дышу родной речью
И вхожу в небеса, как в объятия родни.

Нет, не Черная речка - та горная речка.
Два поэта встают, но не вечен гранит...
Пушкин падает в снег,
Но поэзия вечна!
Та ж проклятая пуля
В Махмуда летит...

Они и внешне похожи, два крепких
и гордых мужчины, два крепких поэта,
русский Сергей Соколкин и аварский Ма-
гомед Ахмедов. Дай Бог, чтобы в таком
единстве и развивалась наша великая ли-
тература!

Владимир Бондаренко,
критик, главный редактор
газеты «День литературы».

Сергея Юрьевича Соколкина я знаю давно и лично, и как замечательного русского поэта и по его журналистской деятельности... Его работы всегда привлекали к себе внимание широтой интересов, полемичностью, остротой, четкостью нравственной позиции и, наконец, мастерством...

Владимир Солоухин,
писатель, один из первых
переводчиков Расула Гамзатова,
лауреат Государственной
премии СССР, 1993г.

От автора-переводчика

Расула Гамзатова переводили и будут в дальнейшем переводить лучшие отечественные и иностранные литераторы. В мировой истории мы знаем много примеров того, как произведения одного и того же поэта переводили разные авторы и делали это, естественно, по-разному. Я тоже решил по-своему посмотреть на творчество «Великого Расула». Думаю, это послужит только к лучшему, - чем больше его творчество будет востребовано современными поэтами и переводчиками, тем больше в нем будут нуждаться и читатели. Я искренне надеюсь, что когда-нибудь в дальнейшем смогу представить на суд читательской и пишущей публики целую книгу стихов Расула Гамзатовича Гамзатова в собственных переводах.

Сергей Соколкин

РАСУЛ ГАМЗАТОВ,
Народный поэт Дагестана

* * *

В сорок втором - далеком
Старший брат
Жизнь положил за город Сталинград.

Тоскует мать,
Старея без надежд,
И не снимает траурных одежд.

Мужаю я,
Расту сквозь боль утрат.
Теперь я старший,
Слышишь, старший брат?!

* * *

У народа три заветных песни,
Полных радостной и грустной былью.
Первая – всех лучше и чудесней, –
Шепчет мать ее над колыбелью.

И вторую мать поет родная
В час, когда глаза не взвидят света,
Над сыновьим гробом застывая...
Ну, а третья –
Все, что не про это.

* * *

Из раны кровь течёт.
Рыдать
Сомнительна причина.
Коль кровь твоя –
Дороже слёз,
Какой же ты мужчина?!

Дружба

Говоришь,
Ты был счастлив всегда
И не знал, что такое беда,
Даже горя за эти года
С другом ты не испил никогда.

Пусть ты прожил на свете сто лет,
Голова поменяла свой цвет.
Но тебе я промолвлю в ответ,
Ты ещё не родился на свет.

* * *

На чужбине
Пригорюнюсь, вспоминая,
Где ж ты, сакля,
Невысокая, родная.
Или поле, со скалою по соседству,
Где на резвом скакуне скакал я в детстве.
И родник живой,
Что не было чудесней,
Где она мне поднесла кувшин,
Как песню...
Вспоминаю путь,
Где ветер злится, в скалах,
По которому поэта провожала.
Только ту, что я любил,
Не вспоминаю,
Потому,
Что я её не забываю.

* * *

Если б каждый мой вздох о тебе
Рифмовать,
Вечер мог бы поэмою стать.
И тогда б о любви
Такой книги большой
Не найти в целом мире другой.

Но пока я без книжки живу, -
Налегке, -
Как ладонь,
Что в моей притаилась руке.
Время жаль -
Даже лучшим стихам отдавать, -
Что могло б поцелуями стать.

* * *

Горы наши белые и синие,
Нивы – с золотой глубокой краскою.
Если б раздарить цвета и линии,
Стала бы земля почти что райскою.

Многое нам прадедами задано,
А заветы забывать не надо ведь.
Если б мир их соблюдал, как надобно,
Стал бы он почти, как Божья Заповедь.

* * *

Нет таких каминов, где б безопасно
Полыхал негаснувший огонь.
А в моей груди он бьется вечно,
Коль не веришь,
Поднеси ладонь.

Нет ни деревень, ни сел прекрасных,
Где б огни не гасли никогда,
А в моих глазах огни не гаснут
Моего родимого Цада.

* * *

Каждый был рожден в прекрасный миг
Женщиной, что в мире нет нежнее.
Почему же первый детский крик
Злых людей не сделает добрее?

Дети полнят радостью наш дом,
Мы их на руках своих качаем.
Кто же виноват,
Что мы потом
Так порой чудовищны бываем?!

* * *

Вот осень,
Это значит, песня спета,
И сотни неумолчных птичьих стай,
Хоть краю этому певали гимны летом,
Прописочку меняют невзначай.

Орлы лишь,
Как немые истуканы,
Сидят вдали от суетной орды
И не спешат – в заморские туманы,
Меня Родину в час смуты и беды.

* * *

Верного друга война отняла,
Но говорю с ним сквозь годы.
Ну, а иной тут стоит,
Как скала,
Словно ошибка природы.

Памятью доброю друг верный мой
Греет меня, что есть силы.
А от иного, - того, что живой,
Холодно,
Как от могилы...

* * *

Трудно ль подвиг совершить герою,
Превозмочь себя среди людей?
Это миг,
Но, засверкав звездой,
Жизнь прожить намного тяжелей.

Стать легко ль предателем, убийцей
И упасть на дно,
Так глубоко,
Что взлететь уж невозможно птицей?
А вот жить совсем уж нелегко...

* * *

Слава,
Живых обходи стороной, -
Лучших и самых хороших
Можешь,
Того не желая порой,
Ты раздавить своей ношей.

Слава,
Живущим не будет беды,
Коль подзабудешь их имя.
Мертвых верни скорей в наши ряды,
Делая вечно живыми.

* * *

Качает колыбели горный ветер
Новорожденным горцам.
Каждый век
В той самой первой песенке на свете –
Орлиный клекот, плески горных рек.

Пусть честь отцов всегда пребудет с нами,
Достойны будут дети их наград!
Отцов уж нет,
А вот орлы, как память,
Расправив крылья, в небесах парят.

* * *

Стегает горный ветер, словно плетью.
Родимый край,
Да что ж за жизнь такая? –
Язык аварский забывают дети,
Своих отцов почти не понимая...

Так неужели нас постигнет горе,
Не будет песен,
И аварской речи?
Все как в природе:
Речка катит в море,
Хотя и знает, это смерть для речки.

* * *

Поэт пел песни про родной народ,
Про горы и долины.
И за это
Ему родимый край который год
Слагает гимны языком поэтов.

Я так и вижу, –
Сквозь туман веков,
Поет поэт, потряхнувши головою,
И слушает, все разобрав без слов,
Старик Кавказ с вершиной снеговой.

* * *

Бессмертных нет,
Мы все уйдем туда,
Откуда даже слову нет возврата.
Нельзя покинуть землю без следа,
Наш след - и дом, и песня, что крылата.

Не все травой тропинки зарастают,
Ручьи пересыхают не всегда,
Вливаясь в реку.
И поет вода.
И нашу славу песни воспевают.

* * *

На клинках писали и клинками
Наши деды,
Словно бы вчера,
То, что нынче с помощью пера
Я пытаюсь выразить словами.

Предаваясь пламенной отваге,
Предки уносились в бой во мгле
И писали кровью на земле
То, что я пытаюсь на бумаге.

* * *

Если суждено металлом стать мне,
Не штампуйте из него монету,
Не хочу я измениться статью –
Мелочью бренчать по белу свету.

Если все же я железом стану,
Я б хотел оружием быть, сверкая, –
Например, кинжалом Базалая...,
В бой лететь,
А не бренчать в карманах.

* * *

Узора вязь легла на рукоять, -
Лишь только солнце может так сиять!
Клинок из ножен я рванул, дрожа
От счастья,
Но был крив и туп кинжал.

Мне златокузнеца работу жаль,
Но вспомнил книгу я,
Забыв кинжал...
Тисненья, загогульки, а внутри –
Пузыри...

* * *

Я не всезнайка, нет таких людей,
Есть, кто за них себя лишь выдать
рады...

Боюсь я их нахмуренных бровей
И, как уютю,
Тяжелого их взгляда.

Ни Пушкин, ни Сократ всего не знал,
Ведь знаний много,
Как на дубе листьев...
Что ж громче всех кричит, лишь тот,
кто стал

Владельцем дутых –
абсолютных истин?!

* * *

Высекайте на клинках кинжальных
Имена детей своих и мам –
Чтоб, вспылив бездумно,
Было жалко
Вашей неводержанности вам.

На прикладах вырежьте портреты
Самых близких,
Самых дорогих,
Чтоб с любовью матери и дети
Вас молили вспоминать о них.

Пять наставлений

1

Если ты людьми сегодня не доволен,
То не требуй и от них любви с почтеньем.
Если ты плюёшь в колодец с вдохновеньем,
Завтра вряд ли напоит тебя водой он.

2

Пускай устал ты,
Все же весело шагай.
Не задирайся и войны не объявляй
Тем, кто тебе на узком встретится пути.

Пойми, не только у тебя, но и у них
Оружье тоже есть, -
Судьбу не искушай, -
Клинок бессмертный, что ковал сам Базалай
И песнь, которая клинку тому сродни.

3

Кто ни разу с лошади не падал,
Тот не станет всадником, ей Богу!
По спине не бей коня, не надо,
Коли сам сломал ты сдуру ногу.

Кто свой стих не рвал,
Тому навряд ли
Суждено поэтом стать однажды...
Песнь придет в свой час, своим порядком,
Не ломай, сдаваясь, карандаш ты.

4

Шагай сквозь горы-долы не спеша,
Полезней средства для себя не знаю.
Здоровье тела – чистая душа,
Сердечный друг и песня удалая.

Полна грудь ветром
И вокруг, долбя,
Грохочет град и дождь,
Но страх не ведом.
Весть добрая обрадует тебя, -
За дочками и сын родится следом.

А если ты узнал, что заболел
Кунак, -
То под лавиной снегопада
Шагать сквозь эти горы – твой удел
И честь твоя, и совесть, и отрада.

Ведь хуже этой вести, может быть
Лишь та, что угрожает смыслу жизни, -
Что супостат,
Придя народ сгубить,
Зажег пожар войны в твоей отчизне.

5
А тот, кто сломался,
Кто горя достойно не вынес,
Не вынесет счастья,
Не справившись с той же причиной.
С бедою не встретился кто
И от страха не вырос,
Не станет мужчиной, поверьте,
Не станет мужчиной!

Мужчина

- О, юноша пылкий,
В бою защищая любовь,
Готов ли расстаться ты с жизнью
своею?

- Готов.

- Рванешься ль спасти ты
Из огненных адских оков
Любимую девушку?
- Я туда брошусь без слов.

- А голову гордую,
Что не склонял никогда,
При встрече со старцем склоняешь
почтенно ты?

- Да.

- А если твой друг
Позовет тебя как-нибудь вдруг
Сто рек переплыть,
Поплывешь?
- Поплыву, он же друг.

- Коль гость завернет
И попросит дать корма коню,
Ты в колокол радости будешь звонить?
- Я звоню.

- Когда у соседей и радость,
и солнечный свет,
Доволен ли ты?
- Да, конечно, ведь я же сосед.

- К могилам родителей в дождь и
в томительный зной
Приходишь ли ты?
- Прихожу даже лютой зимой.

- Печаль или свадьбу в горах,
что на весь белый свет гуляет...
Пропустишь ты мимо?
- Конечно же нет.

- Когда враг могучий встает у тебя
на пути,
Дрожит твое сердце?
- Становится кремнем в груди,
Для дрожи его
Нет на свете достойных причин!
- Тогда ты мужчина, -
Ты из настоящих мужчин.

* * *

Когда я умру, я прошу, аульчане,
Вы сердце мое схороните тогда
На Верхней,
На Нижней, той - Главной, поляне
В высокогорном ауле Цада.

Я был в разных странах, ходил в океане,
Но сердце мое оставалось всегда
На Верхней,
На Нижней, той - Главной, поляне
В нашем родимом ауле Цада.

* * *

Победы я свои не выставляю, -
В них нет чего-то,
Сам я знаю это
И сам желаю я родному краю
Явленья настоящего Поэта.

Идет он следом
И орлиным взором
Он видит то, что я лишь обозначил.
И я по-стариковски –
Добрый словом –
Хочу, чтоб помянул меня тот мальчик...

МАГОМЕД АХМЕДОВ,
Народный поэт Дагестана

Расул Гамзатов

После смерти твоей
В доме плача согласия нету,
Сирота наш аварский язык...
Ты один был Поэтом.
Все забылись грехи,
А величье зияет, как рана.
Ты и Каспий – два моря,
Две славы земли Дагестана.

Чем ты дальше уходишь,
Становишься ближе к народу.
Открывается тайна из тайн
Силы горского рода.
В тебе сила бескрайняя,
Данная Богом, - ты вечен,
Не коснулась тебя
Даже тень самых подлых словечек.

Ты над миром раскрыл
Поэтический зонт Дагестана,
Чтоб под ним собрались
Все влюбленные земли и страны.
Две поющих струны
На аварском пандуре - планету
Слушать ты заставлял
Золотыми словами Поэта.

И негнули спины
Ни пред кем твои гордые песни,
Но звучали над миром
Симфонией самой чудесной.
В государстве любви
Было, может, немного и тесно,
Но влюбленным всех стран
Находилось свободное место.

Вспоминаю теперь и улыбку,
И взгляд твой веселый.
Терпкой речи твоей
Мед таланта мы брали, как пчелы.
В нем и сладость была,
В нем и горечь была от природы,

А слова ты сбивал,
Словно строил жилище –
На годы.

Ты ушел, и теперь
Наша песня, как речка, мельчает
И к подножью горы твоей
Хилою струйкой стекает.
А щенки волкодавов бездарны,
Хотя их немало...,
С рыком тужатся, мол,
Он ушел, наше время настало!

Мой учитель и друг,
Ты всегда был для нас великаном, –
Чистый горский родник
Сделал ты мировым океаном.
...После смерти твоей
В доме плача согласия нету...
Если честно сказать,
Ты один,
Лишь один был Поэтом.

* * *

Я горной речкой с Родины сбегал,
К Отчизне пробиваясь родниками,
Найдя тот древний дух, тот идеал,
Что на кладбище жив лишь – между скал
В густой пыли, оставленной веками.

Я ненавижу двадцать первый век,
Где злоба, зависть ходят между нами.
Когда умру я, слышишь Человек,
Пусть песнь моя останется навек –
Как мост, парящий между островами.

* * *

Моя горная речка – не Черная речка,
В ней великой поэзии бьется родник.
Возвращаюсь я в горы, дышу родной
речью
И вхожу в небеса, как в объятия родни.

Нет, не Черная речка - та горная речка.
Два поэта встают, но не вечен гранит...
Пушкин падает в снег,
Но поэзия вечна!
Та ж проклятая пуля
В Махмуда летит...

* * *

Я вернулся в дом, к той речке детства,
В свой аул – и больше не уеду.
И, уставший от дорог и бедствий,
С мудрым сердцем я веду беседу.

Слышу полный счастья голос детства,
Что звенит в горах, с ветрами споря.
Но вступает зрелость по соседству:
- Что там речка, то ли дело море!

Так и спорят, - целая планета
Детства, годы зрелости и старость.
Я узнал моря,
Но речка эта
Глубже океанов оказалась.

Повесть

Двух женщин в жизни полюбил мой стих.
И две слезы текли из глаз моих.
От первой мне осталась только тень,
Зато цветет вторая как сирень.

Две женщины стояли на пути,
Два сердца бились у меня в груди.
Одно становилось в свой черед,
Второе – мне не умереть дает.

Солнце и роса

Роса, возлегшая на утренних цветах,
В плен солнечной улыбки попадает.
Две красоты встречаются и, ах,
Любви страница в пламени сгорает.

Целует солнце нежный свой улов
В серебряные губки и, поверьте,
Росинки солнце ждут.
И за любовь
Готовы к этой ежедневной смерти.

* * *

Люблю цветы и звёзды,
Что беспечно
Собой одаривать готовы первых
встречных.

И кажется,
Что счастье бесконечно,
Когда звучат их имена в аварской
речи.

И жаль мне тех,
Кто мрачною порою
Так и не вспыхнул в жизни ласковой
звездою.

Поэтов жаль,
Корпящих день за днями,
Не распутившихся сердечными
цветами.

Моцарт и Сальери

- Приходи, Сальери, друг мой лучший,
Музыку Божественную слушать.

- Бог мой, Моцарт, музыку твою
Каплей черной зависти убью.

Так уходят в вечность – круг за кругом –
Моцарт и Сальери – друг за другом.

Да здравствует свобода, за нее
Мое перо взлетело, как копье.

Пегас – мой конь, Пегас мой боевой.
Перо и меч – из стали из одной».
Спасибо, Лорд, смешон, смешон покой,
Ты держишь стремя вечности ногой.

Поэт

Словно эхо кровавых времен и эпох –
Тех же самых вопросов опять
повторенье.
Только мир сотворил неуступчивый
Бог,
Кто с мольбой смотрит в небо, а кто
с нетерпением.

Уверяют одни: «Ложь везде, правды
нет!»
«Не убий! – Это грех», - слышен
голос у края...
На все эти вопросы один лишь поэт
Вечно ищет ответы, с судьбою играя.

И когда его голос находит Творца,
То, беснуясь, толпа бьет Пророка
камнями,
Но когда его слово поймут до конца,
С неба сыплются камни и адское
пламя.

Но идет он и в мир, не мигая, глядит.
Он изранен. И уголь в его сердце тлеет.
Поле боя гудит в ослабевшей груди.
Тихий голос молитвы в стихах
не слабеет.

Смотрит в небо как все он,
страдания полн,
И текут его слезы иным на потеху.
И вопросы извечные вечных времен
Все терзают его.
Он их вечное эхо.

Любовь – это верность,
И истина – в ней.
Ведь Родина –
Это и есть, братцы, – Родина, –
Ни больше, ни меньше,
Другое – пародия,
Не может у сына быть двух матерей!

Мне Родина снится,
И шепчет про то,
Как много по жизни с любимыми
пройдено.

Проснусь и сажу...
На меня смотрит Родина.
А прочее всё, это просто ничто.

* * *

Чтоб страну прославить в песне,
нету слов.

Чтоб воздать за песню ту, страны нет
просто.

Травят чистую сыновнюю любовь,
На потеху псам бросая, словно кости.

Голос предков ночью слышится
как есть:

- Вы до края добрели уже – без цели,
У Барьера человек стоит и честь,
Всех пора мерзавцев вызвать
на дуэли.

Нужен духа и молитвы талисман
Для всех этих лет, дрожащих
от разбоя...

- Что, скажи, с тобою стало, Дагестан?!
- Дезертиры оставляют поле боя...

* * *

Никого уже не вызовешь к Барьеру,
Больше нет на свете слова «дуэлянт».
Подлость, зависть нагло делают карьеру,
Убивая имя, славу и талант.

Под окном война гуляет удалая,
Снова правят бал предатели-вожди.
Даже кажется,
Вокруг страна чужая
И народ язык не вспомнит свой, –
Не жди.

Жизнь мою крутит ветер прошедших
березовых лет,
Лишь ночами заполнены прошлые годы
МОИ.

Только ветер ночной, как собака, все
воет в ночи.

Я один, как всегда,
Рядом нету родного лица...
Рана в сердце моем, как от пуль,
от обиды кричит.
И в груди поле боя шумит без конца,
без конца...

Нет хороших вестей. И никто мне не
сможет помочь.
Обреченный на память, лишь с ветром
беседую я.
И уже я не знаю, где день, а где вечная
ночь,
Не в ту сторону, видимо, стала
вращаться земля...

* * *

Осенние небеса,
Тяжелые небеса,
Беда, как вдова солдатская,
Вам выплакала глаза.
В стране холода и течь,
И птицам летать невмочь.
Объята проклятьем Господа,
Отчизна глядится в ночь.

Осенние голоса,
Осипшие небеса...
Воронами синь заклёвана,
И с шумом идёт гроза.
Лишь черные тучи – в них,
И нет облаков простых.
Ненастные дни, –
У Господа
Для нас уже нет других.

* * *

- Как дела твои, Поэт?
- Ни любви, ни счастья нет.
- Что ж ты чувствуешь сейчас?
- Лживый мир во тьме погряз.

- Ты давно уж не пророк.
- Всё же слышит меня Бог.
- Ты куда теперь, Поэт?
- На тот Свет...

Свеча

1

Тень над могилой тает,
День медленно убывает.
Трава, что вокруг, по-свойски
Со мной в разговор вступает.

2

Когда старики рыдают,
От голода умирает
Народ, а поэт доволен
Жизнью, его проклинаят.

3

Волос поседел на голове,
Сердце застучало невпопад,
Лег на сердце иней по весне,
Голову укутал снегопад.

4

Четки я перебираю:
Не четки – ушедшие годы.
Снова по четкам считаю:
Не четки – убитые дни.

5

В мире темном, холодном –
 точь в точь,
Как свеча я горю, день и ночь.
На чужбине она круглый год
Слезы горькие горские льет.

Ночной цветок

День закончен,
Цветы все в объятиях сна.
И на отчую землю
Пришла тишина.

Лишь цветочек один,
Что на камне растет,
Когда спит все вокруг,
Темной ночью цветет.

До рассвета цветет
И горит, как свеча,
Он горит, как свеча,
Тихой песней звуча.

Открывает глаза свои,
Полные тайн,
И его в дивном свете
Качается стан.

И вот этот цветок –
Моей песни ночной
Кровный брат
И неназванный
Родственник мой.

Для поэта
Нет большего счастья
Пока, –
Чем петь песню
Ночного цветка.

* * *

Даден путь извилистый поэту.
На вершинах в ночь –
Туман осел.
В озере мечты плывет к рассвету
Лодочка моих хороших дел.

Облака уйдут, –
Проступят горы.
Есть конец пути...
А за грехи
Мы уйдем,
Покинув землю скоро...
Вечны только звезды и стихи.

* * *

О, времена!
Ни веры нет, ни чести...
Я стиснул кулаки и зубы сжал.
Среди живущих в зависти и лести,
Смешон я, как зазубренный кинжал.

Но я на хадже был,
Аллаху Слава!
Что мне смешки или хвалы слова?!
Прощаю всех врагов,
Имею право, –
Всевышний так велит,
Ему хвала!

* * *

И подножья гор хватает мне,
И аульской улочки –
Вполне.

Яркой родниковой чистоты,
Радуги, что выдули цветы.

Нужен мне лишь
В наш спешащий век
Средь толпы –
Обычный человек.

Война

Каждый день сраженье принимаю
И иду в атаку как комбат,
Словно пули, мысли пролетают,
Пули-дуры без ума летят.

Просыпаюсь, пулею не мечен,
Кто-то смотрит на меня в прицел.
Из кольца врагов опять под вечер
Выползаю снова, еле цел.

Другу я кричу,
Как с т ого света:
- Жизнь готов за Родину отдать?!
А в ответ: -
Дурак, ее ведь нету,
Просыпайся, братец, хватит спать.

За кого ты умереть-то хочешь?...
- Я за Дагестан умру сто раз! –
Кто молчит,
А молодежь хохочет:
- Нет войны, оставь в покое нас.

Слышу пули свист, аж в жилах стынет...
Пули свист – среди живой лозы...
Раненый лежу я на вершине:
- Дай глоток воды, родной язык.

Кто рожден в горах, умрет на небе,
На вершине, -
Вот он пьедестал!
...А ты ползай там – внизу,
Ты не был
На войне, когда народ страдал...

* * *

В том краю, где свет увидел я,
Все горит звезда любви моей.
И меня родившая земля,
Сердцу с каждым годом все родней.

В памяти минувшее храня,
Позабыв житейскую тщету,
Под звездой аульского огня
Набираю жизни высоту.

* * *

О, мои гунибские березы,
Милые гунибские мои,
Над ручьем, как девы, моют косы,
Косоньки зеленые свои.

Птички вы мои, что синим летом,
Позвончее соловьев поют.
Цветики мои, что нежным светом,
Только взглянешь, целый мир заляют.

В детстве, словно свечи, вы горели,
Свечечки зеленые мои...
А когда влюбился, в небе тлели
Звездочки зеленые любви.

О, мои гунибские березы,
В косах расплетенных – сквозь года...
Не забыть мне – вас, девичьи слезы,
Путь в аул Гонода – никогда.

Будет моя память ливнем литься
Над Гунибом, сыпать сотни слов...
Даже перестанут падать листья
С тех берез, как с прожитых годов.

Сменит пусть сентябрьские укоры
Песнь зимы и нажитой вины,
Ведь уже седин моих узоры
Вам не скрыть, березовые сны.

О, мои гунибские березы,
Вечные, бессмертные леса.
Молодость гунибская, – сквозь грозы –
Синие в ладонях небеса.

Пусть, когда умру я, и иначе
Запоют на свете соловьи,
Над моей могилою заплачут
Тихие березоньки мои.

О, мои гунибские березы,
Милые гунибские мои,
Памяти мерцающие звезды,
Песни нерастраченной любви.

* * *

И был вопрос, -
В последний миг земной
Чье имя шепчут, уходя, поэты?
И с интересом, все кто был со мной,
Взглянули мне в глаза, услышав это.

В земной юдоли не с кем горе пить,
У всех свои отпущенные сроки.
Чем больше сможешь мир в себя
вместить,
Тем больше будешь грустно-одиноким.

В груди заныло...
Древний миф творя,
Мерцали звезды: «Наше имя это!»,
Огнем холодным душу серебра
И заливая сердце синим светом.

Но вспыхнул в очаге огонь другой:
«Ты воспевал меня в стихах и в пенье,
Хоть счастья нет без Родины большой,
Без малой нет любви и вдохновенья».

А сердце отчеканило в ответ:
«Я тоже не могу быть молчаливо.
Лишь к Богу устремляет взор поэт
В последний миг свой –
На краю обрыва».

И я подумал,
Когда мертв народ,
В безвременье поэты погибают.
Всевышний лишь терпение дает,
Жизнь продлевая нам – за годом год,
Ему последний вздох свой посвящаю.

И я взглянул на небосвод седой.
И душу залило блаженства светом.
Когда придет последний миг земной,
Я к Богу обращусь,
Как все поэты.

* * *

Как облака разрывает
Безудержный ветер,
Так государство мое
Мой народ истребляет.
Как взрывы молний страшат
Все живое на свете,
Так же отчаянье
Душу мне испепеляет.

Солнца на небе поэзии
Тьмою покрыты,
Сердце в груди поэтической
Бьется в падучей.
Как же устал от дорог я –
Кривых и разбитых!
Даже уходит земля из-под ног,
Словно падаю с кручи...

Горцы язык горский свой
Так легко забывают,
Песню, слетевшую с гор,
Прогоняют от дома.

Словно слепцы,
За коварным врагом ковыляют,
Перенимая все то,
Что давно всем знакомо.

Счастлив бываю лишь в прошлом,
Когда вечерами
Я вспоминаю...
Была ведь – Любовь и свобода...
И, как молитву,
Шепчу я сухими губами,
- О, век двадцатый,
Прости ты меня, ради Бога!

Но – кто услышит меня,
Кто поймет, вспомнит имя?...
Песню пою для немых я
И душу пытаю.
...Сердце ослепшее
Полно слезами немymi.
Горцы-аварцы
Язык свой родной забывают.

Родной язык

М.И. Магомедову

О, Дагестан,
Очнись, что дальше будет, –
Язык отцов ребенок забывает?!
Что делать мне? Хоть плач!
В пучине буден
Пришла беда –
Язык мой умирает!

И крик не слышен –
В городах и весях
Мы мечены судьбою иностранной...
О, Магомед,
Моя бессильна песня,
И мой язык кровоточит как рана.

Довольствуемся мы чужою речью,
Так меда не вкусив родного слова...
Скажи, мой друг, а на каком наречье
Последний вздох свой сделать
мы готовы?

Язык и честь –
Перед победным строем
Молитвой были в дагестанском небе.
Коня герой седлал и под героем
Конь звонко ржал в Ахульго и Гунибе.

Но вещей сад родной цветущей речи
Град конца света варварски угробил.
Убийцы мы!
И оправдать уж нечем
Нам кровь отцов, текущую с надгробий.

Друг Магомед,
Язык – дорога к Богу.
На мир гляжу и повторяю снова:
- Забыв язык, теряем мы дорогу.
Ничтожна жизнь без языка родного!

Горцы-аварцы (гимн)

Горцы-аварцы живут в Дагестане.
Гуниб и Ахульго –
Их память и гордость.
Не станет их вдруг, меня тоже не станет.
Я сын их – аварец, аварец и горец.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

Живут в Дагестане горцы-аварцы.
У них есть язык свой, есть звездное имя.
Всю мудрость эпох берегли наши старцы.
Аллах,
Сбереги мой народ меж другими.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

Горцы-аварцы живут в Дагестане,
Что против царей поднимали восстанья.

Кинжал Шамиля,
Звуки песен Расула
Народ почитал в самых дальних аулах.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

Живут в Дагестане горцы-аварцы.
Их мало,
Но честь велика их с рожденья.
Они ненавидят вранье и коварство.
И жизнь за друзей отдадут без сомненья.

Горцев-аварцев славит мой стих,
Не будет и нет Дагестана без них!

Час расплаты

Есть в ночи такой час, когда всем
очень плохо,
Только дьявол доволен и рад,
Когда рушится жизнь, умирает эпоха
И ведут нас правители в ад.

Время выстрелов в спину, убийц,
нуворишей,
Беззащитных, растерзанных вдов,
Когда дом твой растопчут, разрушат
и спишут,
Не оставив кровавых следов.

Темнота, слепота. И мутится
рассудок.
Вновь разломан изменчивый мир.
И под звон золотых и под смех
проституток
В грязь затоптан вчерашний кумир.

И вскипает огонь, словно Божия кара,

Вопиёт каждый камень, тропа...
Превращаются в пыль и дворцы,
и хибары,
И беснуется в раже толпа.

И ничто не спасёт этих жадных
уродов,
Поведут их на лютую смерть.
И воскликнет Господь, -
Тех, кто Родину продал
Не жалеть, даже думать не сметь!

И последних времен понамылив
верёвки
Казнь свершают, свершают и вот –
Города полыхают, от крика и рёва
Вновь друг-друга не слышит народ.

Плач, один горький плач
на безумной планете.
И у братьев по вере – вражда.
Плачут, плачут и молятся женщины,
дети
И старухи. И ждёт их беда.

* * *

Одинокая горская песня любви
Сиротинушкой-эхом блуждает в горах.
Облака уплывают, зови - не зови,
И цветы высыхают на желтых лугах.

«На высокой горе два влюблённых
цветка,
А в ущелье, на дне, два любви родника».
Вас глухие не слышат – как будто вас нет,
А слепые вовек не увидят ваш свет.

Беспризорником стал наш язык,
Нелегко
В очаге древнем вещей огонь разыскать.
Но коль некому больше затеплить его,
Даже искорки счастья уже не поймать.

Добрый старый пандур...
Пыль осыпав со струн –
Песня смерти гудит на ветру.

Элегия

Где же свою молодость я бросил?
Седина мне песенку поёт:
- Магомед Ахмедов, это осень,
Дальше – царство зимнее придёт.

На вершинах гор, подобных раю,
Нет таких, как там внизу, цветов.
То, что Бог дал, молча принимаю,
Песню о любви пою без слов.

Сердце жжет в груди, пером Жар-птицы
Двадцать первый век отпыхал:
- Там живых друзей родные лица,
Век легенд и горнего стиха.

Век двадцатый –
Двадцать первым – круто
Был растоптан,
Но судьбу храня,
Я – в Москве, у стен Литинститута.
Вот и здравствуй,
Молодость моя...

Двое

1

Словно ветер,
Несется пацан
И хохочет от счастья.
Что за радость в душе у мальчика,
Чтоб по полю так мчаться?

Опершись на свой посох,
Старик
Страшно, глухо рыдает.
Что за тягостный горестный крик
Его дух сотрясает?

Как ребенок, порою я за
Хвост хватаю удачу,
А порой, как у старца, глаза
Некрасиво так плачут.

2

Весь в слезах,
По тропинке, бегом
Пробегает мальчонка.
Кто же душу поранил его,
Обвинил его в чем-то?

Веселясь,
Старый дед без труда
Вдаль спешит по дороге.
Что за счастье нашел он,
Куда
Понесли его ноги?

Плачу я, как ребенок, порой, –
Нет печальней картины,
Ну а то,
Как старик удалой
Веселюсь без причины...

* * *

Ночью звёзды на вечном пристанище
Пишут в небе свои имена.
И могильные плиты на кладбище
Отражают их свет на меня.

У могилы отца в одиночестве
Я стою среди каменных плит,
И звезда, что мое пишет отчество,
На меня всех нежнее глядит.

Разговор

- Куда летишь-спешишь ты,
Речка горная?
- Лечу-спешу я к морю, к морю рвусь.
И больше никогда,
Девчонка гордая,
Я в эти наши горы не вернусь!

- Куда летишь-спешишь ты,
Житель города,
Всё повидавший на своём пути?
- Спешу я к морю,
Чтобы нашу гордую,
Единственную реченьку найти.

* * *

Смех у речки –
Детский голосочек,
Но река – другим общаться хочет

Языком.
А вот седое море
Всё бубнит со старостью во взоре.

Месяц лишь смеётся надо мною,
Мол,
Ничто не вечно под луною.

* * *

В предвечерний час таинственные тени
Заползают на поэзии ступени.

В час рассвета,
Извиваясь, уползают, -
Солнца веник их, нахохлясь, выметает.

С колыбели так моей.
Им вместе тесно, -
Насмерть с тенью свет воюет повсеместно.

* * *

Дом помнит всё: весёлого меня,
Родной очаг и детство у огня.

И молодость в березовом огне.
Гирлянды гор, светящихся в окне.

Дом помнит всё. О каждом нашем дне –
Зарубки на душе и на стене.

В чужом краю уже десятки лет
Мне освещает путь аульский свет.

И в самый трудный день и по ночам
Спасает песня наших аульчан.

Я помню всё. Не забываю я
Родной очаг и детство у огня.

Голоса

Голоса я слышу, слушаю я их.
Память, словно эхо, отзывалась в них.

В них земля и небо, в них любовь и я.
И еще вопросы слышу бытия.

Птицами взмывают прямо в небеса
Дорогие нашим душам голоса.

Два из них бессмертны и ведут нас в бой –
Родины единой, матери родной.

АБДУЛЛА ДАГАНОВ,
Народный поэт Дагестана

Цыганка

Ах, цыганочка моя – ты хитрозлая,
Твой характер лисий мой смутил покой.
Что за баба, даже пуля удалая
Не угонится порою за тобой!

Как танцуют эти плечи молодые
Да под гривой вороных твоих волос,
Ну а глазки озорные – ножевые,
Что за черт их на погибель мне принес!

А в ушах звенят, звенят луны монеты,
Словно ты, смеясь, их с неба сорвала,
На груди дрожит серебряное лето,
Что в разгул пустилось ночью со двора!

До утра во лбу как в старой сказке
светит
И горит, сгорая, синяя звезда,
Ты плывешь как черный лебедь
вдоль рассвета,
Исчезая в светлой дымке без следа.

Я к тебе совсем любовью не страдаю,
Но и в душу от тебя не скрою дверь,
И слова твои пустые вспоминаю,
Видно, чем-то ты взяла меня, поверь...

Сколько раз в Махачкале, не беспокоясь
Ни о чем, в моей копалась ты беде
И читала ты ладонь мою – как повесть
О любви, давно прошедшей, о судьбе...

* * *

Не спеши, под лиственной кроной
Посиди еще со мною ты,
Ведь в саду прекрасные бутоны
Не раскрылись в нежные цветы.

Не спеши, соловушка печальный
Как и прежде о любви поет.
Он не о подруге ли ночами
Грустно-грустно трели выдает?

Не спеши, - страдать, так лучше вместе,
Вместе легче горечь и беда.
Жили мы с тобой как в доброй песне,
Повторится ль это все когда?

Друг от друга глаз не отрываем,
Прямо как из книги про любовь...
И плечами искры высекаем,
Даже в жилах закипает кровь!

А в садах прекрасные бутоны
Не раскрылись в нежные цветы.
Не спеши, под лиственной кроной
Посиди еще со мною ты...

* * *

Что-то грустно сердце застучало...
Как тоскливо без родимых гор!
В Подмосковье тишина настала,
Я березок слышу разговор.

Соловьи врываются без страха
В тишину, как будто здесь одни.
Где-то рядом с дачей Пастернака
Бьет, как у подножья гор, родник.

Вмиг туда уносят мысли-кони,
Где костры друзья отцовы жгут –
Чабаны седые, как на троне,
Сидя в бурках, разговор ведут.

Где-то воет волк в ущелье диком,
Грозно отвечает волкодав,
Чабаны-мальчишки пляшут лихо,
С песнями смелее волка став.

В эту ночь у дачи Пастернака,
Загрустив, я головой поник,
Потому что в сердце вдруг заплакал
Памятью чабанский тот родник.

* * *

Отстрадав, отплакала душа
И забылась в старой грустной песне,
В памяти, как угли, вороша
Дни, которых не было чудесней.

Вращивал я дерево любви,
Так плодов попробовать не смея.
Распуская волосы твои,
Не посмел я стать чуть-чуть смелее.

Шквал любви во взглядах бушевал,
Но доплыть до берега мечты я
Не успел, пришел девятый вал,
Захлестнули волны нас крутые.

Не вернуть денечки те назад.
Листья на ветвях затрепетали,
Не о нашей ли любви шумят,
О той клятве, что мы не сдержали?

* * *

Годы, как листки календаря,
Кружатся и падают в ладони.
И подранком алая заря,
Вздвогнув, в темноте житейской тонет.

Сколько было их, весенних слов,
Что зимой – как кость в собачьем горле?!
От весны осталась нам любовь.
От любви – страдание и горе.

Мы как два обветренных ствола.
Ветер гнет деревья год от года.
И трещит и сыплется скала.
И меж нами трещины проходят.

Девушка, купающаяся в речке

Ива над речкой стоит, замирая,
Нежная тень, как нездешний цветок,
Чуть шелохнулась и, робко ступая,
К свету пошла - в серебристый поток.

Чтоб не спугнуть, целомудренно ива
Ветви свои распростерла в зенит...
Чтобы сердечко смеялось, игриво
Речка, дробясь, колокольцем звенит.

Вдруг обнажилась, как солнце земное,
Грудь золотая...
О, Боже, скажи,
Как не ослеп я, увидев такое,
Воочию тайную страсть пережив?

* * *

На земле, в родимом доме,
Чтоб жилось легко и вольно,
Что же нужно человеку
Изо всякого добра?

То ль в горах отары тучной,
Закромов, как чаши полной,
То ль звенящего в карманах
Золота и серебра?...

Жизнь, клянусь, что я об этом
Не имел и раньше думы.
Не стремился трон занять я.
Наступив на чью-то тень...

Так чего ж мне не хватает
На земле, в родимом доме,
Чтоб не помнить о насущном
Каждый, каждый божий день?

Не хочу - отары тучной,
Закромов, как чаши полной,
Денег тяжкие карманы,
Злата-серебра запас...

Мне бы жить с той, самой лучшей,
С той красавицею гордой
Стройных гор Кавказских, что же
Лучше может быть у нас?!

И тогда в земле родимой
Как в раю б нам жить досталось,
Жизнь, как озеро под солнцем,
В ее взглядах бы плескалась...

Шла бы жизнь легко и вольно
На земле, в родимом доме.

* * *

Каменистые тропы на горных вершинах,
Через скалы вас кто проложил напролом?
Это мы! – слышу я голоса над долиной
Аксакалов почтенных в ауле моем.

- Кто аулы построил в горах, кто вначале
Эти камни обтесывал в снег и в жару?
- Это предки твои, говорят аульчане,
Научись же и ты этому мастерству.

- Кто поля распахал, что долины устлали,
В землю души вложив, кто народ
накормил?
- Это я! – слышу пахаря голос усталый, -
Эту землю я потом обильно полил.

Горцы, горцы мои, ваши добрые руки
Жизнь в горах изменили. Пред вами
в долгу,
Говорю вам спасибо за труд ваш, за муки,
Посылая вам стих этот, -
Все что могу...

* * *

Шумит печально дерево в саду,
Где целовались мы ночной порою,
Щебечут птицы, словно в том году, -
Поют, быть может и о нас с тобою.

Ах, как же это было все давно!
Закат в шуршащих листьях полыхает...
Зачем опять смотрю в твое окно?
Жизнь протекла, как речка протекает.

* * *

Порой, швырнув перо ко всем чертям,
Встаю, утратив искру вдохновенья.
Как листья мысли пляшут по углам,
Разбросанные ветра дуновеньем.

Куда вы делись, кто вас мог украсть,
Тупые мысли гаснущего века,
Где та святая бешеная страсть –
Раздать всю душу людям-человекам?!

Ох, быть бы мне крылом того орла,
Что так уверен в дружбе с небесами.
Ты, сизый голубь, тот, чей дом – скала,
Твоими в мир хочу взглянуть глазами.

Пусть рыбы, что безмолвствуют в морях,
Мир нарисуют, не жалея краски,
И тур, что ночью носит на рогах
Звезд бездны, мне рассказывает сказки.

Без этого не жить мне, словно вор
Вонзил мне в душу нож...
И плачет рана,
Что я пришел с вершины вечных гор,
Оставив сердце в пелене тумана...

* * *

Альфии

Мне бы саблю,
Чтоб рассечь эту ночь,
Что сковала мою грудь на беду.
И по берегу песчаному прочь,
Одинок, как тур в горах, я бреду.

День пропил я в ресторане «Гагрипш»,
Разожгло вино остывшую кровь.
Опьянеть хотел я,
Что ж ты молчишь,
Чтоб забыть тебя, себя и любовь...

В сердце море заштормило с тоской...
Я бегу.
Ты где-то там.
Как в кино...
Море Черное бурлит за спиной,
Будто между нами только оно...

* * *

Моя рука бездарна, не вольна
Небесный лик твой передать бумаге.
Твоя улыбка – спелая луна
Меня сжигает и пьянит, как брага.

Твой нежный взгляд - хоть не дает уснуть,
Подлунный сумрак умиротворяет.
И первый робкий луч, в горах блеснув,
Цвет тела твоего напоминает.

Когда метлою золотых лучей
Сметает солнце темень, - тает дрема.
Я вновь смотрю из комнаты своей
В окно твоего заспанного дома.

А вдруг рассвет встречаешь ты без сна,
Твоим мечтам в груди упругой тесно,
Расчесываясь, смотришь из окна,
И с птицами летит тихонько песня?

А я горю, я не умею петь,
В моей груди льды северные тают,
Могу любовью шар земной согреть,
Весь шар земной...
Лишь про тебя не знаю...

* * *

Все равно ведь – поздно или рано
О любви сыграю на пандуре.
Как страдает зверь в тисках капкана,
На своей испытываю шкуре.

Может быть, любовь мою, измучив,
Заманили, бедную, в засаду.
Гром гремит, надсадно плачут тучи,
Льются слезы попеременно с градом.

Там блеснет огонь, там выстрел грянет.
Это знак, -
Бежать к тебе, родная.
Реку вброд перехожу. И тянет
В омут,
Но спешу к тебе со дна я.

Слышу зов в ночи почти беззвездной,
Это ты идешь ко мне по краю...
Про любовь про первую,
Хоть поздно,
На пандуре все же я сыграю.

* * *

Тот же взгляд, улыбка та же,
Губ неяркая помада,
Ямочки на щечках,
Словно
Булькание родничка.

Волосы укрыли плечи,
Словно кисти винограда...
Сам не свой я,
Лик богини
Увидав издалека.

Как на крыльях пролетела,
Душу забрала и тело.
И пропала в дымке дня.
Но не из сердца у меня.

В Стамбуле
другу Хабибу Гаджиеву

Друг мой старый Хабиб,
Я вовек не забуду ту осень, -
Как нас «Ту» серебристый
В Стамбул перенес, наконец...
И как в тучах сплошных
Мы увидели яркую просинь.
Как нас в путь провожал
Арацилов – прекрасный борец.

Вот и он – древний город!
И в поздней ночи нашим взорам
Бездна звезд отворилась
(Такое запомнишь навек...).
И как золота слитки
В шипящие воды Босфора
Звезды стали летать,
Отражаясь в них как фейерверк.

И над Мраморным морем –
Сквозь мост – как летающий катер
Наш помчался автобус
По звездам, дрожащим в воде...
Снизу гавань светилась
Судами, что встали в фарватер,
Ресторанов огнями,
Сердцами счастливых людей.

Мы под самое утро
Вернулись в отель «Хамидини».
И на город обрушился
Вмиг прозаический дождь.
Ну, а пением турок
Будили уже муэдзины,
Город наш просыпался,
Качаясь, как мокрая рожь.

Побывали везде
И гуляли по разным мы странам,
Но сквозь сумрак и дождь,
Сквозь обыденный шум – только здесь
Нам, как равным почти,
Как друзьям и приятелям старым,
Открывал свои тайны
Великие город чудес.

И сверкающих древних мечетей
Леса минаретов,
Что до звезд достают
Головами своими легко,
И дворцы властелинов,
Залитые волнами света,
Это летопись судеб
Ушедших забытых веков...

А на улочках тесных –
Сегодняшней жизни картинки:
И цеха, где дубленки шьют,
Вширь уже рвутся и ввысь,
И, набитые всяким товаром,
Восточные рынки
С европейскою жизнью
Естественно переплелись.

Этот город большой
На огромных ладонях качает
С двух сторон нежно море,
Храня его сон... Только вздох
Из пучины морской раздается.
И всходят ночами
Миражи древних храмов,
Дворцов из ушедших эпох.

Они помнят монархов,
Им снятся шуты и вельможи...
Но сегодня их могут,
По слухам, пустить с молотка...
Эй, дружище Хабиб, может, скинемся,
Хватит, быть может,
И у нас «долларей»,
Чтоб участвовать в этих торгах?

А на том берегу,
Где гаремы цвели Султан-Бегов,
Торговали базары
Девическим спелым плодом,
Нам с тобой так хотелось,
Чужой красоты не изведав,
Посмотреть на красавиц-турчанок
Хотя бы глазком.

Но любящие спутницы
Четко блюли нас и строго,
И готовы за нами пойти были
В рай или в ад,
За тобою жена Бурлият
Шла – как тень по дороге,
А за мною след в след -
Ненавязчиво – дочка Хабсат.

Островков в этом море –
Приедем – даже с излишком...
И судьба есть у каждого тут
И история есть.
Я не знаю, остался ль – дворец,
Или скромный домишко,
Иль клочочек земли,
Что глаза не обшарили здесь?

Я доволен безумно,
В душе просто райские кущи,
Когда рядом мой друг...
И о чем еще Бога просить?
Я прошу, пусть продлит
Наши годы Аллах всемогущий,

Чтоб поездки такие
Еще нам не раз совершить...
Друг мой старый Хабиб,
Дружба – этого мира основа.
Ту осеннюю Турцию
Я не забуду вовек.
И да здравствует он,
Нас у трапа встречающий снова,
Проводивший нас в путь –
Арацилов – родной человек.

Поэзия

Взошла звезда, в одно слились деревья,
В ущельях гор повеял холодок.
В коше чабанском, как затворник древний,
Я слушаю речушки говорок.

Чу, тихий звук, - зверь это или птица,
Шайтан бродячий из иных времён?
Но тишина, быть может, мне всё снится?
Но это очень странный чудный сон...

Нет, я не сплю, хотя огонь не гаснет, -
Какое-то томление в груди,
Как перед встречей с девушкой
прекрасной,
Которая вот-вот должна придти.

Но то не страсть любви, когда на крыльях
Взлетаешь в предвкушении чудес.
Быть может, испытать коварной былью
Меня - спустилась ангельша с небес?

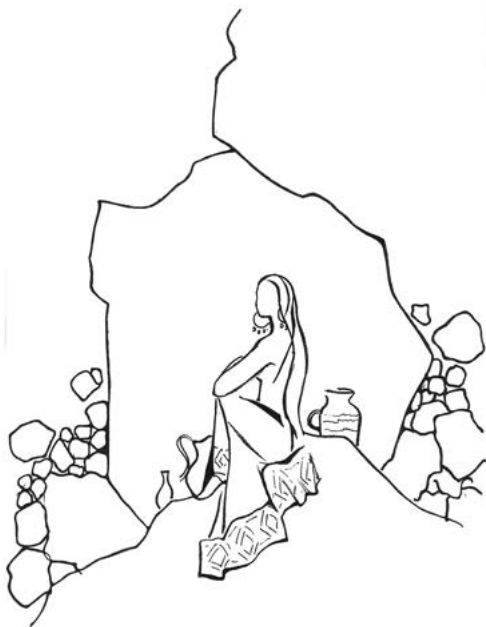

И вот её горячее дыханье
Ласкает грудь безумства на краю...
И не в коше чабанском то свиданье,
А я уже давным-давно в раю?

Но тишь вокруг. И я обескуражен,
Но что же кружит голову, зовёт,
Манит и соблазняет душу, даже
Плоть брeнная вдруг просится в полёт.

Но, словно в руки взявши на мгновенье
Себя, я стал пытаться у пустоты:
- Кто ты, ответь, развеи мои сомненья,
Зачем покой мой нарушаешь ты?

И я услышал на земном наречье
Тот голос из иного бытия:
- Молчи, о, смертный,
Ты сегодня вечен.
Я Муза, я Поэзия твоя!

У памятника Зое

Суров мороз в ближайшем Подмосковье.
И нити снежные с самих небес висят.
И каждая березка с думой вдовьей
Стоит, как забинтованный солдат.

И вековые сосны, как медсестры,
Склонились над израненной землей.
Я живо так представил все, так остро
Почувствовал, как на плечо мне просто
Легла рука истории самой.

Я вдаль гляжу, там смотрит с пьедестала
Простая девушка, герой страны своей,
Что в восемнадцать лет легендой стала...
А столько ведь и дочери моей...

И сверлят мозг мой мысли неотвязно, -
А вот смогли бы нынешние так,
Крутые Афродиты жизни праздной,
Когда б в страну пришел жестокий враг?!

Нет, прочь сомненья, все России дети
Гордятся теми, кто судьбу свою
Не растерял, кто смерть лихую встретил,
Как эта русская, - за Родину в бою.

Суров мороз в ближайшем Подмосковье.
Снег перестал, теперь пошел опять.
И каждая березка с думой вдовьей
Тот памятник пытается обнять.

Стоит девчонка каменная гордо,
Несломленная смотрит вдаль она.
Она погибла. И в ее-то годы!
А значит,
Родина-Россия жить должна!

* * *

Что в мире переменном долговечней:
Скал неприступных твердость и размах
Иль бурная стремительная речка,
Что путь себе пробила в тех горах.

О, горы,
Век вам гимны буду петь я,
В коше чабанском празднуня рассвет.
Но я уйду,
И улетят столетья,
А вы и не посмотрите вослед.

Вот солнце, –
Словно сказочное древо,
С глубин небесных встало во весь рост.
В руках-ветвях – лучами полный невод
С гирляндами мерцающими звезд.

Моря кипят,
Бурлят и днем и ночью.
Как мясо, что в котлах у чабанов...
Аж волны в небо бьют,
С какой же мощью
Вас опалает пламенем веков!

Эй, ветер,
Есть ли место на планете,
Где отдыхаешь от своих забав,
Или боишься, что под утро в сети
Тебя поймают, крылья обломав?

Вопросы бытия...
И надо мною
Разверзлась бездна...
Я ищу ответ.
И я повис меж небом и землею, -
Не Бог, не человек,
А лишь поэт...

* * *

- Судьбе слепой не поддавайся, -
Твердили горцы,
- Выжить чтоб,
Будь прям и твёрд, с судьбой сражайся,
Будь прям и твёрд, но не как столб.

Он треснет, только его скрутит
Бедой, пришедшей издали.
Упругим, гибким будь, как прутик,
Ты гибким будь,
Но не юли.

* * *

Плакал дед, когда, страдая, умирал,
И кинжал рукой костлявою сжимал.
И бежали молча слезы по металлу,
Как враги его,
Когда он их сражал.

Он к щеке клинок зазубренный прижал,
Словно кровью,
Обагрил слезой кинжал.
Нет, не с жизнью старый горец
расставался, –
Он последний раз кинжал в руках
держал.

Сердце

- О, птицы летящие,
где ваш, скажите, ночлег?
- На дереве том, где ни ветра,
ни шороха нет.

- Где, звезды падучие,
свой завершаете путь?
- Во тьме океанской дано нам
навекы уснуть.

- Валун,
ты скатился с горы
для чего, дай ответ?
- В ущелье глубоком лежать
до скончания лет.

- А вам где дано отгулять, отзвенеть,
голоса?
- В далеких, неведомых вам –
неземных небесах.

Песня девушки

Прилетала, как на крыльях, к роднику,
Где коня поил водой ты ключевой,
Но умчался,
Улыбнувшись на скаку,
Не позвав меня, джигит мой, за собой.

В роднике вода печально так журчит
И звенит в кувшине песней о любви...
Приезжай же напоить коня, джигит,
И с собой в дорогу,
Милый, позови.

* * *

Все ярче солнце,
И в цвету
Кругом все, золотом залито.
Из века в век сердца джигитов
К нему взлетали в высоту.

А ночью –
Томный блеск луны.
И грусть окрашивает лица.
Всегда горянки, словно птицы,
Бросались в пропасть с крутизны.

Где, скажи, любовь моя

Сергею Соколкину

Юность, словно жеребенок,
Пронеслась со свистом.
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Ведь на ржанье жеребенка
Эхом серебристым
Много лет не отвечают уж
Караха скалы.

Речка, что свой путь пробила
По ущельям горным,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Ведь под ропот волн бессонных –
Непокорный, гордый –
Руки матери
Мою здесь колыбель качали.

Эй, подснежник, что в сугроб
Влез, как в гости к милой,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Лепестки твои упруги
Ласковою силой.
Их и зимушка-зима
Непоистрепала.

Соловей, поющий песни
На ветвях высоких,
Где, скажи, любовь моя,
Почему пропала?
Под мелодии полночных
Песен одиноких
Сердце бедное мое
Так горько тосковало.

Вы, весенние снежинки,
Что в ладонях тают,
Подскажите, где любовь,
Почему пропала?
Как и вы, совсем внезапно
Годы улетают,
Испаряются на небо –
Словно не бывало.

Ветерочек, теребящий
На висках седины,
Где, скажи, любовь моя?
Так пропала странно...
Отвечает мне проказник:
«Плакать нет причины,
В сердце у тебя любовь,
Не стареют раны...».

Поэзия мудрости и доброты –
предисловие к книге Залму Батировой

Трудно писать о творчестве поэта, не зная языка, на котором этот поэт мыслит и творит. Приходится доверять переводчикам и своему внутреннему «подземному чувству». Но ведь переводчики могут безвозвратно утратить красоту слога оригинала, его свежесть, его пронзительность, а могут, наоборот, и приукрасить его, вдохнуть в язык перевода то, чего и не было в оригинале... Ведь не секрет, что великому аварскому поэту Расулу Гамзатовичу Гамзатову повезло с переводчиками. И он, будучи человеком умным и скромным, сам говорил, что его «сделали переводчики», часто повторяя, что без них его просто не было бы как поэта... Великим поэтам свойственна широта души...

До знакомства с этой книгой я не был знаком с творчеством Залму Батировой, тяжёлые нынешние времена заставляют

поэтов вариться в собственном национальном соку, поэтому первым делом обратил внимание на то, кто донёс до русского читателя её поэтические образы и мысли. Марина Ахмедова-Колюбакина, Александр Ананичев... Эти имена я хорошо знаю, даже дружу с этими людьми. Эти прекрасные поэты не станут переводить не интересные, бесталанные, лишённые природной силы и яркой национальной окраски тексты. Это придало мне силы и интереса к творчеству аварской поэтессы Залму Батировой. И я погрузился в чтение...

И вдруг я понял..., и начать хочу с того, что Залму совершает подвиг. Раньше за подвиги награждали орденами и медалями. Сейчас – терпеливым молчанием. Но подвиг, он потому и подвиг, что совершающий его не думает о воздаянии, потому как подвигают его к оному Бог и родная земля. Это собственно всё, что есть у человека кроме его рода. А род у каждого человека, как известно не только горизонтальный, сегодняшней, гео-

графический, но и идущий сквозь время, исторический. И живет человек на своей любимой земле, продлевает свой род и молится Богу. И в зависимости от того, как он это делает, его или забывают, или помнят и почитают... Так вот, корни поэзии Залму Батировой это самое Время пронизывают с любовью.

Трудно беспристрастно любить Родину, ещё труднее помнить и любить её историю, пропуская все события через себя, через свою душу. Но недаром говорят, что все раны и трещины мира проходят через сердце поэта. Её стихи, её исторические и любовные поэмы, даже если мы оставим в стороне разговор о сюжете, – это беседа с Богом о душе человека, о долге, о верности Родине, размышления о смысле скоротечной жизни, о вечной любви и нерушимой дружбе. Поэтесса не страдает излишней философичностью, уводящей в сторону от предмета разговора, но мыслит в своих произведениях глубоко и просто, ярко и образно, не

заслоня Слова обёрточными блёстками псевдомыслия и псевдоучёности. Я бы даже сказал, мыслит мудро. И не важно, короткие ли это стихи о матери:

...А без тебя с моей тревогой
Уже не справиться никак.
Так пусто и в душе и в доме,
Когда тебя нет больше в нём.
И сердце по-сиротски стонет
И бьётся глуше с каждым днём...
...Ах, мама, даже горю есть свой срок,
Но память о тебе нас не обманет –
Она, как будто каменный цветок,
Что никогда на свете не увянет,

Или большая, величиной с человеческую жизнь и любовь, драматическая поэма-трагедия «Хунзахская ханша» или передаваемая из поколения в поколение великая грустная история любви Махмуда и Муи, запечатлённая поэтессой в своеобразной поэтично-прозаической поэме «Два цветка любви», или поэма

о жизни в России семьи имама Шамиля «Ностальгия». Ведь дело не в размере произведения, а в плотности сказанного на сантиметр площади. Думаю, не продуктивно разбирать здесь поэмы или рассказывать их содержание. Как известно, прозой не передать всех оттенков чувств и мыслей, выраженных поэтическим языком, сами читайте, думайте, спорьте и получайте удовольствие...

Хотя, кстати, я, пожалуй, немного слукавил, сказав, что неважно, «короткие ли это стихи или большая...драматическая поэма». Важно. Ещё как важно! Одно дело выписывать свою горячо любимую душу в ярких, эмоциональных, но коротких, как вспышка молнии, стихах, где требуется только талант и вдохновение, что, конечно, тоже немаловажно. Другое дело, изо дня в день, из года в год, перемалывая огромные пласты исторической литературы, писать историю своего народа, своей Родины. Взяться за такой огромный труд, а тем

более довести его да конца, сохраняя интригу произведения, способен далеко не каждый автор. Тем более, что плата за это в виде благодарности властей или любви народной ожидается лет, десятилетий, столетий так через ... Тем более, что народ сейчас только выживает, ему не до культуры, он ввергнут хитрыми кукловодами в кровавые национальные и религиозные распри...

...Ныне в грош оценивают жизнь,
На Кавказе льётся кровь рекой.
Те, кто вечной дружбою клялись,
Вечной поклялись теперь враждой...
...И плач разлился за громами
Еще не убитой страны...
Надолго ль такая погода?
Вот-вот разольётся река.
Не вечно терпенье народа,
Размыты его берега.

Не ко всем взрослым поэтам и писателям с возрастом приходит зре-

лость. Зрелость не только творческая, но зрелость духовная, зрелость душевная. Зрелость, заставляющая человека делать безвозмездное добро и переживать, точнее, проживать чужие страдания, как свои собственные. Зрелость, выраженная в понимании того, что прошло время разбрасывать камни, пора их уже собирать... Коран и очаг, мать и отец, дом и кладбище, башня и златотканый ковёр – важнейшие объекты молитвенного поклонения любой дагестанки, любой горской женщины. А Залму – плоть от плоти своего народа. Для неё это не только символы истории, «старины глубокой», но и атрибуты национальной горской «самости», элементы вечного народного бытия, которое не в состоянии задавить и уничтожить безжалостная современная безликая и безнациональная цивилизация. Это элементы Культа, а значит, Культуры, которую своим трудом творит и сохраняет аварская поэтесса.

ЗАЛМУ БАТИРОВА

* * *

Откуда в тебе столько льда,
Морозящего душу,
Что холодом страшным
Повеяло рядом с тобой.
И ветер шумит в твоём сердце
И рвётся наружу,
И снежная тьма
Вырастает меж нами стеной.

А свет твоих глаз,
Что мне путь освещал изначально, -
Чья буйная юность
Отныне купается в нём?
И у колыбели любви нашей
Тихой печальной
Кого посадил ты,
Качать её ночью и днём?!

Любви моей сад,
Полыхавший цветами, как пламя,
Тебе отдала,
Не жалею об этом, поверь...
Ведь даже деревья
В саду том сцепились ветвями.
Но кто-то ограду
Протиснул меж ними теперь.

* * *

Нам суждено идти по жизни с верой,
Нас даже смерть не сможет разлучить.
Пусть иногда гудят меж нами ветры,
И завывают в адовой ночи.

Пусть между наших душ моря, гуляя,
Встав на дыбы, тягаются волной.
Сквозь этот шум, как чайка золотая,
Я все равно услышу голос твой.

Пускай во тьме к утру не просветлеет,
Надолго ночь поселится в очах...
Моя рука твою ладонь согреет,
Как путника среди чёрных гор очаг.

Нам суждено идти по жизни с верой.
Звенит душа пандуровой струной.
И коль моя струна порвётся первой,
Ты песнь допой,
Ведь я всегда с тобой.

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ

* * *

Лишь миг смотрел на солнце.
Навсегда
Теперь внутри глухая вспышка боли.
Тебя увидел, пронеслись года,
Но образ твой глаза не позабыли.

Склонюсь над книгой, не могу читать, -
На всех страницах лишь тебя я вижу.
Включаю телевизор и опять,
Как солнца жар, на всех каналах – ты же...

Куда ни посмотрю, - слепит глаза.
Глаза закрою, - Ты!
И нет спасенья!
И сон мой – Ты.
И нет пути назад.
И жизнь моя, - как мука вдохновенья.

* * *

Мой родной Арадерих,
Ассалом алейкум,
Со скалы орёл, махни
мне крылом своим.

Ты для сердца моего,
Арадерих,
как Мекка.
Пусть летит моя душа
К небесам твоим.

Тыщи лет тут предок жил
Радостно и гордо,
И орнамент золотой
Плёл за годом год.

Ус кручёный Крыш-горы
И источник горный...
Дорогой Арадерих,
Мой исконный род.

Ты прости мою тоску,
Городскую скуку,
И со стана Крыш-горы
Засверкай клинком.

Я принёс тебе свою
И любовь и муку,
Горная звезда моя
С отчим очагом.

Вот и снова я с тобой,
Счастью нет предела.
Здравствуй поле,
Здравствуй луг,
Где трудился я.

Пусть теперь я городской,
Здесь мне мама пела.
Мой родной Арадерих, -
Родина моя.

Здравствуй отчий джамаат,
Ассалом алейкум,
Племя славное орлов,
В сердце вы моём.

Ведь и в городе живу
Тем же человеком,
Стоит лишь глаза закрыть, -
Я в селе родном.

Ближе нету, чем сосед, -
Так из века к веку,
Здесь поделятся со мной
Рук своих теплом.

Мой родной Арадерих,
Ассалом алейкум,
Со скалы орёл,
Махни
Мне своим крылом.

* * *

Дом чиновника шикарен и могуч,
Он каминною трубой достал до туч.
А поэт почти что нищ, -
Дырявый кров,
Завывают сквозняки, и нету дров.

Королевские покои - в жемчугах,
У поэта – ветер с сыростью в углах.
Короли берут словами города,
А поэты лишь сердца, и иногда...

...Но роскошнее,
По правде говоря,
Кабинета нету даже у царя, -
Просто у поэта испокон -
Сердце человеческое он.

Ведь оставят свои замки короли.
И чиновники уйдут во глубь земли.
Лишь поэт свой не оставит кабинет.
Ведь горит в нём негасимый свет.

Песню Махмуд о любви запеваёт,
Вторит ему вся земная округа.
Вторит округа и ввысь улетает
Вместе с Махмудом –
Из круга, из круга.

Время стоит,
Нет ни сроков, ни даты.
Свадьба уж вечность идёт.
Что за чудо? –
Время,
Поняв, что ошиблось когда-то,
Вдруг отдало бетлиянку Махмуду.

Тихий батюшка Дон,
Утолил Он небесную жажду,
Отражаясь душой в твоих синих
зеркальных глазах.
Так всю жизнь и творил у земли
у любимой на страже...
И впадали в тебя зацелованные
небеса.

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

* * *

Абдулле Даганову

Наша жизнь – это песня.
И наши, даст Бог, не допеты.
Нет давно СССР.
Но так хочется много сказать.
Абдулла дорогой, мы с тобою
всего лишь поэты,
Шар огромный земной не дано нам
с тобою объять.

Мы мужчины с тобой,
А мужчина, сам знаешь, не плачет.
И хоть Родины нет, но кого и о чем
нам просить?!
Абдулла дорогой, мы с тобою поэты,
А значит
Этот маленький мир можем мы
в своем сердце носить.

Шамиль и царь

Абдулле Даганову

Велик Шамиль –
под знаменем Пророка –
когда в глуши смотрящих в небо скал
адатов древних темные пороки
огнем кровавым в душах выжигал.

Упрям Шамиль, уверовавший свято
в свой волчий жребий, как в земную съть,
когда – на русский –
средством газавата
Аллаха волю стал переводить...

Но мудр Шамиль, дошедший до предела,
когда душой неистойой горя, смирясь,
Кавказа раненое тело
отдал на милость Белого царя.

Умен и славен царь-«завоеватель» когда,
чтоб души тяжкие спасти,
имама Шамиля, поняв как брата,
«на покаянье» – в Мекку отпустил.

Дикая дивизия
Хану Нахичеванскому

Разбрелись,
полегли в смутных небесах славяне.
И не ведал никто,
русский дух, – он жив, не жив?...
Отличились тогда
други -братцы-мусульмане,
други -братцы пошли
да в Брусиловский прорыв.

Австрияк пусть помрет,
«накладут в штаны» мадьяры,
не должно их тут быть –
на Карпатских на горах.
Там, где русский – в штыки,
горцы там идут – в кинжалы,
подчищая грешки...
Да простит меня Аллах!

Дайте саблей махнуть
«дьяволу в мохнатой шапке», -
честь семьи отстоять,
да за Русского Царя...
Убивали его,
но с рукой срасталась шашка,
его призрак - врага
гнал за реки-за моря.

Полусотня орлов
тысячу с земли сживала,
да в окрошку врага, -
чтоб не безобразничал!
И ползла на металл
плоть живая – ножевая,
пулеметный металл
замолкал и отступал.

Не имеет никто прав сказать,
что горец дрался,
как обозник какой,
да за чьей-нибудь спиной!
Ни один не ушел,
в подлый плен
никто не сдался,
даже мертвый боец
продолжал свой личный бой...

Русский батюшка-царь
восхищен был и прославлен,
впрочем, речь не о нем,
а о том, кто воевал.
Каждый третий-второй
был к Георгию представлен,
каждый первый-второй,
всадник или генерал,
если б был православным,
стать Георгием мечтал.

И когда им кресты
Божьей милостью вручались,
заменен был Георгий
задвуглавленным орлом.
Каждый первый-второй,
все от «птички» отказались:
- Нам верните джигита,
да чтоб с боевым конем!
И Георгий взмахнул
в небесах своим копьем.

Интересна судьба,
а история лукава, -
царь пропал,
но в войне «дьяволы» пробили брешь.
И у верных престолу,
обреченных и кровавых,
впереди у героев –
был Корниловский мятеж...

Чеченская коррида

Махмуду Эсамбаеву

Над Грозным тягостная вьюга.
В шаманском танце хохоча,
смерть втягивает в пляску друга,
махнув рукой на палача.

И словно год назад - в столице –
грохочет танком, целя в лоб.
И черной птицею садится
на невостребованный гроб...

Для зрелища, стуча копытом,
встаёт коррида в полный рост.
По следу крови за убитым
другой ногами бьёт в помост.

Стан лебединый гнёт недобро,
дрожит, как струнка,
чтобы вмиг
рукой, как полной яда коброй,
врагу всадить точёный клык.

К хлысту чеченской длинной воли,
мечась на лезвии меча,
его душа, дрожа от боли, льнёт,
кастаньетами звуча.

Щелчок. И вывалились бесы,
огнём обсыпав каблуки.
В белках кровавых
волчья несуть
разводит желтые круги.

Застыл тореро, хорошея,
в отважной дикой красоте.
И бычья вытянулась шея,
сверкнув рябиной на кусте.

Бой кончен,
выходя из роли,
танцор плащом стирает пот.
А по щекам,
как струйка крови,
слеза течёт,
течёт,
течёт.

20 декабря 1994г.

ЕСТЬ И ДРУГОЙ КАВКАЗ

*о Первом Международном
литературном фестивале*

Дружбы «Белые журавли России»

С 28 по 30 сентября 2011 года в Центральном Доме литераторов (Москва) и Доме творчества «Переделкино» (Московская область) состоялся Первый Международный литературный фестиваль Дружбы «Белые журавли России» памяти Расула Гамзатова, организатором которого выступил член Президиума МГО СП России, поэт, Сергей Соколкин. Это начинание поддержали русские писатели, вернувшиеся с 25-х Юбилейных Гамзатовских Дней в республике Дагестан.

А началось все в далеком 1965 году в Хиросиме. Расулу Гамзатову показали памятник белым журавлям и рассказали душещипательную историю о девочке по имени Сасаки Седако. Когда американская военщина в надежде припугнуть Советы сбросила на город атомную бомбу, ей едва

только исполнилось два года. Ее семья проживала достаточно далеко от взрыва и поэтому физически не пострадала. Но через несколько лет радиация, которой были заражены земля, вода и воздух, дала о себе знать. У Сасаки обнаружили лучевую болезнь – рак крови. Надежды на спасение практически не было. Но в Японии есть такой обычай: если хочешь, чтобы исполнилась твоя самая заветная мечта, вырежи из бумаги тысячу журавликов и запусти их в небо. Делать Птиц Надежды ей помогали дети со всего мира, узнавшие о ее трагедии. Но чуда не произошло.

25 октября 1955 года Сасаки не стало...

История о маленькой девочке задела Гамзатова за живое. Он очень переживал эту историю. Память о войне тревожила сердце. Он вспоминал о погибших на Великой Отечественной братьях и прямо в самолете написал свое знаменитое программное стихотворение «Журавли», вскоре переведенное на русский язык Наумом Гребневым:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Композитор Ян Френкель выдохнул щемящую музыку, и получилась песня, которую проникновенно исполнил Марк Бернес. Крылатые «Журавли» облетели всю планету, полюбились миллионам людей и стали практически гимном, реквиемом всем солдатам, всем погибшим во всех кровавых войнах и боях жестокого 20 века. Эту песню поют на десятках языков, она давно уже, как вольная птица, перелетела все границы и стала понятна и близка каждому человеку как молитва, как плач по безвозвратно потерянным близким людям. Этой песне нет аналогов в мире, крылатый Миф Белых Журавлей воплотился в мраморе, бронзе и бетоне более чем в 60 городах мира, в том числе Америке и Японии, вдохновившей Расула Гамзатова на эту скорбную песню.

А летом 1986 года Гамзатовым и Френкелем был открыт первый памятник «Белым журавлям» в Дагестане. Открытие состоялось в красивейшем высокогорном селении Гуниб. Все было глубоко символично. Открытие состоялось 6 августа – в годовщину бесчеловечной, бессмысленной с военной точки зрения ядерной бомбардировки Хиросимы. А чтобы зажечь «Вечный огонь» у гордо взметнувшейся в небо стеллы, пламя взяли из очага старой матери-горянки, потерявшей в Великой Отечественной войне троих своих сыновей...

Да и сам Гуниб – место уникальное, священное для любого кавказца и помнящего свою историю русского. Здесь 25 августа 1859 года закончилось более чем двухсот шестидесятилетнее противостояние России и Кавказа, когда князем Барятинским был пленен имам Дагестана и Чечни Шамиль на почетных для него условиях. У псковского писателя Игоря Смолькина-Изборцева я прочитал леген-

ду, связанную с этим событием. Сидевший на камне Барятинский сказал Шамилю:

- Напрасны же были все твои старания, вся твоя борьба.

- Нет, не напрасны, - ответил имам. – Память о ней сохранится в народе. Многих кровников моя борьба делала братьями, многие враждовавшие между собой аулы она объединила, многие народы Дагестана, враждовавшие между собой и твердившие «мой народ», «моя нация», она слила в единый дагестанский народ. Чувство родины, чувство единого Дагестана я завоевал и оставляю своим потомкам. Разве этого мало?

И символично, что здесь, на обильно политой русской и дагестанской кровью земле, вырос Праздник, осуждающий все войны, теракты и национальную неприязнь.

И кажется, что в этом месте
Соединились на века
И горцы, павшие тут с честью

От Апшеронского полка.
И безымянные солдаты,
Присяге верные своей,
Что только в том и виноваты,
Что честно подчинились ей.
Но прежние забыв проклятья,
Сплетясь корнями в вечной мгле,
Они лежат, как будто братья,
Давным-давно в одной земле.
(Марина Ахмедова-Колюбакина)

Именно здесь, на этом празднике, люди вспоминают погибших под Москвой и Сталинградом, в Нагасаки и Ленинграде, Каспийске и Махачкале, Буйнакске и Грозном, Сербии и Владикавказе. Вспоминают добрым словом и более трех тысяч гунибцев, воевавших на фронтах Великой Отечественной, четверо из которых стали Героями Советского Союза (а вообще, на 25 тысяч жителей Гунибского района приходится десять Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда и Героев России). И люди приходят, приезжают сюда из самых далеких угол-

ков нашей пока еще необъятной Родины, отдавая дань памяти героям. Расул Гамзатов рассказывал: «В каждом горном ауле стоят пирамидальные памятники, а на них имена, имена, имена. Горец сходит с коня, подъезжая к ним, пеший снимает папаху... В каждом доме на почетном месте висят портреты тех, кто навсегда останется молодым и красивым».

После смерти «Великого Расула» (как его почтительно называют в родном Дагестане) дату праздника приурочили ко дню его рождения и отмечают теперь в первой половине сентября.

Гости фестиваля посещают могилу Поэта у подножия горы Тарки-Тау, возлагают цветы к его могиле, к памятнику Поэта в центре Махачкалы у «Аварского драматического театра». Следом проходит митинг у монумента Воину-освободителю в Центральном парке Махачкалы. Потом делегация посещает дом писателя (где я имел возможность познакомиться с родным братом Поэта – Гаджи Гамзато-

вичем, первым Академиком РАН на Кавказе, Научным руководителем Института языка, подписавшим мне только что изданную им книгу отца – великого поэта – Гамзата Цадасы. С тех пор прошло чуть менее месяца. И вот пришло известие: 6 октября 2011 года Гаджи Гамзатова не стало... Умер прямо на работе... Скорблю. Вечная ему память).

А финалом этого дня становится большой литературно-музыкальный вечер в «Русском драматическом театре» Махачкалы, где торжественно вручаются литературные премии имени Расула Гамзатова.

На следующий день делегации разъезжаются по различным памятным местам – одни едут на родину Гамзатова – в селение Цада Хунзахского района, другие – в высокогорный Гуниб, третьи – в древний Дербент. И везде проходят торжественные митинги, встречи с ветеранами, школьниками, выступления самобытных народных коллективов.

С этого года Дни Белых журавлей получили официальную эгиду ЮНЕСКО и официальное международное признание, чего так хотел и добивался сам Расул Гамзатов, но чему помешала бездарная горбатая Перестройка.

Итак, в Москву на трехдневный фестиваль «Белые журавли в Москве» прибыли: Вице-премьер Правительства Ингушетии, Народный поэт Ингушетии, Раиса Дидигова, Председатель Союза писателей Дагестана, народный поэт Дагестана, Магомед Ахмедов, главный редактор журналов «Литературный Дагестан» и «Соколенок», Народный поэт Дагестана, Абдулла Даганов, лауреат Государственной премии Дагестана, писатель, Космина Исрапилова, Насреддин русской поэзии, таджик, Тимур Зульфикаров, прекрасный поэт, армянин, Аршак Тер-Маркарьян, уроженец Северного Кавказа, поэт, Владимир Дагуров, внучка Командарма Поплавского (заместителя легендарного Рокоссовского), поэт,

Наталья Рожкова, уроженец Киргизии, поэт, Александр Худорожков, писатель Емельян Марков (внук легенды Дагестана, известного русского поэта Алексея Маркова, родившегося в Дагестане и писавшего стихи даже на аварском языке), директор Российской Геральдической Палаты Марина Рыбак (вручившая Магомеду Ахмедову, Абдулле Даганову и Раисе Дидиговой памятные медали за большой вклад в развитие литератур народов России), лауреат многих Международных конкурсов, певица, Ирина Ванн, режиссер из Иваново Андрей Алексеев. Выступали и многие известные московские поэты и писатели: Сергей Сибирцев, Борис Миронов, Алексей Шорохов, Александр Бобров, Елена Муссалитина (спела свои стихи под гитару), Ольга Журавлева, Иван Голубничий, Дмитрий Дарин, профессор Литинститута, поэт, Эдуард Балашов и другие. Председателем Оргкомитета фестиваля и ведущим торжественного вечера был поэт Сергей Соколкин, вручивший

медали Правительства Москвы поэтам Раисе Дидиговой, Александру Боброву и Александре Барвицкой (была пресс-секретарем Мэра Буденновска в памятные трагические дни).

Все выступающие отмечали, сейчас сосуществуют два Кавказа. Один – который, к нам завозят в качестве трудовых мигрантов (а этот вопрос не межнациональный, а, скорее, классовый) и ежедневно навязывают по телевидению как бандитов, стреляющих, убивающих, насилующих, и который ассоциируется у обычного обывателя с небритыми физиономиями и именами Басаева и Радиева. С этим Кавказом должны разбираться непродажные представители Миграционной службы, армии, ФСБ и полиции.

Но есть и другой Кавказ, Кавказ создающий. Кавказ Расула Гамзатова и Махмуда Эсамбаева, Кавказ Героя Советского Союза, подводника, Магомед Гаджиева и Героя России, летчика-испытателя, Магомед Толбоева. Кавказ Председателя

колхоза, Героя Социалистического Труда, Ильмутдина Насрутдинова и Героя России, десантника, Юнус-Бека Евкурова. Кавказ честных работающих людей, любящих свою Родину (свою Россию, свой СССР) и прославляющих ее по всему миру.

Каменистые тропы на горных вершинах,
Через скалы вас кто проложил напролом?
Это мы! – слышу я голоса над долиной
Аксакалов почтенных в ауле моем.

- Кто аулы построил в горах, кто вначале
Эти камни обтесывал в снег и в жару?

- Это предки твои, говорят аульчане,
Научись же и ты этому мастерству.

- Кто поля распахал, что долины устлали,
В землю души вложив, кто народ накормил?

- Это я! – слышу пахаря голос усталый, -
эту землю я потом обильно полил.

Горцы, горцы мои, ваши добрые руки
Жизнь в горах изменили. Пред вами в долгу,
Говорю вам спасибо за труд ваш, за муки,
Посылая вам стих этот, - всё что могу...

(Абдулла Даганов, перевод С. Соколкина)

Можно сказать, что девизом всех фестивальных дней были бессмертные слова Расула Гамзатова – «Дагестан добровольно в Россию не входил и добровольно не выйдет...».

Да, мы живем в неблагоприятное смутное время, когда сын попрекает отца хлебом и бросает камень в старую мать. И нас пытаются уверить, что все это норма жизни. Но сколько бы нас ни убеждали в этом, усилия разрушителей напрасны. Мы, русские писатели, увидели (кто в первый, а кто уже в очередной раз) и полюбили этих открытых, веселых и добрых людей, готовых отдать другу последнюю рубаху. Нам, писателям, людям доброй воли, делить нечего, как нечего делить хлебобобу из Подмосковья с чабаном из Гуниба или виноделом из Дербента. Мы любим свою Родину, многонациональную Россию, свои многострадальные народы, живем на своих землях, завещанных нам предками. И с огромной радостью ездим друг к другу в гости, переводим друг дру-

га на языки национальных литератур. И если будет надо, вместе встанем на защиту страны против общего внешнего врага. Вот только бы с внутренним справиться...

И еще мы очень благодарны директору завода из Сергиева Посада Руслану Абакаровичу Курбанову за помощь в проведении нашего Фестиваля.

И закончить статью мне бы хотелось строками Магомеда Ахмедова (перевод С. Соколкина):

*...Я ненавижу двадцать первый век,
Где злоба, зависть ходят между нами.
Когда умру я, слышишь Человек,
Пусть песнь моя останется навек –
Как мост, - парящий между островами.*

P.S.

Второй Фестиваль, был проведён с 21 по 24 ноября 2012 года. Его приветствовали Президент Дагестана Магомедов М.М., Президент Ингушетии Евкуров Ю.Б., депутат от «Единой России» Абдулатипов Р.Г., лидер КПРФ Зюганов Г.А.,

лидер «Справедливой России» Миرون С.М., представитель Правительства Москвы, Главы администраций подмосковных городов, представители национальных Землячеств, Представительств, Союзов писателей России, МСПС и национальных республик, Министерств культуры РФ, Дагестана и Ингушетии.

Мы представители братских народов и должны жить в дружбе. А когда люди дружат, когда у них всё хорошо, они поют и танцуют, они читают стихи. И тогда рождаются не Басаевы и Радуевы, а Пушкины и Махмуды, Расулы Гамзатовы и Юрии Кузнецовы.

Третий Фестиваль будет проведен в октябре-ноябре 2013 года, в год 90-летия Дагестанского Чуда – Великого Расула Гамзатова, сразу после традиционных торжеств в Махачкале.

Заслуженный
работник культуры России,
поэт, **Сергей Соколкин**

ОБ АВТОРАХ

РАСУЛ ГАМЗАТОВ (1923 — 2003)

Выдающийся советский и российский поэт, публицист и политический деятель. Народный поэт Дагестанской АССР, Герой Социалистического Труда, кавалер Ордена Андрея Первозванного, лауреат Сталинской третьей степени и Ленинской премий, Депутат Верховного Совета и член Президиума Верховного Совета СССР. Член ВКП(б) с 1944 года. С 1951 года и до конца жизни возглавлял писательскую организацию Дагестана. Автор многих десятков книг, в том числе «Мой Дагестан». Песня «Журавли» (в переводе Наума Гребнева и в исполнении Марка Бернеса), написанная в 1969 году, приобрела всемирную славу. Памятники этой песне стоят более чем в сорока городах мира. Среди исполнителей песен на его стихи — Анна Герман, Галина Вишневская, Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, София

Ротару, Вахтанг Кикабидзе, Марк Бернес, Дмитрий Хворостовский. Основатель и организатор фестиваля «Белые журавли», который проводится в Дагестане и теперь, после смерти Поэта, носит его имя. 5 июля 2013 года в Москве на Яузском бульваре Президентом России В.В.Путиным и ВРИО Президента Дагестана Р.Г. Абдулатиповым был открыт памятник Поэту.

МАГОМЕД АХМЕДОВ

Председатель Правления Союза писателей Дагестана, Сопредседатель Правления Союза писателей России, Народный поэт Дагестана, член общественной палаты республики Дагестан, автор более чем 30 книг стихов, прозы и публицистики, изданных в Москве и Дагестане. Родился в 1955 году в аварском селении Гонода. Окончил в 1979 году Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР. Первую книгу стихов «Ночные письма» выпустил в 1979 году на аварском

языке Он лауреат многих литературных премий: Государственной премии Республики Дагестан, Главной литературной премии Международного фонда Расула Гамзатова, Большой литературной премии России, премии «Золотой Дельвиг». Ахмедов награжден многими ведомственными и общественными наградами. Перевел на родной аварский язык стихи и прозу А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, С.А.Есенина, А.А. Блока, Н.М. Рубцова, Ю.П. Кузнецова и других.

АБДУЛЛА ДАГАНОВ (1940-2012)

Член Правления Союза писателей Дагестана, Народный поэт Дагестана. Был главным редактором редакции республиканских литературных журналов «Литературный Дагестан» и детских журналов «Соколенок». Автор более чем сорока книг поэзии, прозы, публицистики, изданных на аварском языке в Махачкале и в переводе на русский язык – в Москве. Его произве-

дения переведены на азербайджанский, таджикский, украинский, туркменский, узбекский, польский, болгарский и другие языки. Он сам перевел на аварский язык многие произведения классиков русской, восточной и европейской литературы. Абдулла Даганов был награжден орденом Дружбы, государственными и общественными медалями. В 2007 году за поэму «Сталинград» удостоен Всероссийской литературной премии «Сталинград».

ЗАЛМУ БАТИРОВА

Поэтесса, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан, член Союза писателей России. Автор многих книг стихов, известных поэм и драматических произведений, в том числе драмы в стихах «Хунзахская ханша». Первый лауреат Международной литературной премии «Белые журавли России». Награждена медалью Правительства Москвы.

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ

Молодой талантливый поэт, журналист, Аспирант ДГУ, Участник Первого Международного совещания молодых писателей в Переделкино.

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

Поэт, Заслуженный работник культуры РФ, член Президиума Московской городской организации Союза писателей России. Автор восьми книг стихов и одного романа. Стихи переведены на болгарский, монгольский, китайский и аварский языки. Песни на его стихи поют 53 отечественных исполнителя. Первый лауреат Международной литературной премии им. Андрея Платонова «Умное сердце», лауреат конкурса «Лучшая книга 2008-2010» с вручением приза «За вклад в русскую литературу», лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С. Лескова «Очарованный странник», лауреат 6 Наци-

онального литературного конкурса «Мила Родино» (Болгария), лауреат одиннадцатой Артиады народов России (в номинации – Литература. Лига мастеров. Гильдия профессионалов), дипломант конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства. Председатель Оргкомитета Международного фестиваля «Белые журавли России» памяти Расула Гамзатова. Награжден государственными, правительственными, ведомственными и общественными наградами.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтическое гнездовье Кавказа.	
Владимир Бондаренко.....	5
От автора-переводчика.....	15

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

В сорок втором – далеко.....	17
У народа три заветных песни.....	18
Из раны кровь течёт.....	19
Дружба.....	20
На чужбине.....	21
Если б каждый мой вздох о тебе	22
Горы наши белые и синие.....	23
Нет таких каминов, где б безопасно.....	24
Каждый был рожден в прекрасный миг.....	25
Вот осень	26
Верного друга война отняла.....	27
Трудно ль подвиг совершить герою.....	28
Слава.....	29
Качает колыбели горный ветер.....	30
Стегает горный ветер, словно плетью...31	
Поэт пел песни про родной народ.....	33
Бессмертных нет	34
На клинках писали и клинками.....	35

Если суждено металлом стать мне.....	36
Узора вязь легла на рукоять.....	37
Я не всезнайка, нет таких людей.....	38
Высекайте на клинках кинжальных.....	39
Пять наставлений.....	40
Мужчина.....	43
От мест, где родился	46
Когда я умру, я прошу, аульчане.....	48
Победы я свои не выставляю.....	49

МАГОМЕД АХМЕДОВ

Расул Гамзатов.....	50
Я горной речкой с Родины сбегал.....	53
Моя горная речка – не Черная речка.....	54
Я вернулся в дом, к той речке детства...55	
Повесть.....	56
Солнце и роса.....	57
Люблю цветы и звёзды.....	59
Моцарт и Сальери.....	60
Лорд Байрон.....	61
Поэт.....	63
Простая песня.....	65
Родина.....	66
Чтоб страну прославить в песне, нету слов.....	68
Никого уже не вызовешь к Барьеру.....	69

Ночной ветер.....	70
Осенние небеса	72
Как дела твои, Поэт?.....	74
Свеча.....	75
Ночной цветок.....	78
Даден путь извилистый поэту.....	80
О, времена!	81
И подножья гор хватает мне.....	82
Война.....	83
В том краю, где свет увидел я.....	85
Выбирало друзей само сердце всегда...86	
О, мои гунибские березы.....	87
И был вопрос	89
Как облака разрывает.....	92
Родной язык.....	94
Горцы-аварцы (гимн).....	96
Час расплаты.....	98
Одинокая горская песня любви.....	101
Элегия.....	102
Двое.....	103
Ночью звёзды на вечном пристанище.....	105
Разговор.....	107
Смех у речки	108
В предвечерний час таинственные тени.....	109

Дом помнит всё: весёлого меня.....	110
Голоса.....	111

АБДУЛЛА ДАГАНОВ

Цыганка.....	112
Не спеши, под лиственной кроной.....	115
Что-то грустно сердце застучало.....	117
Отстрадав, отплакала душа.....	118
Годы, как листки календаря.....	119
Девушка, купающаяся в речке.....	120
На земле, в родимом доме.....	121
Каменистые тропы на горных вершинах.....	124
Шумит печально дерево в саду.....	125
Порой, швырнув перо ко всем чертям.....	126
Мне бы саблю	127
Моя рука бездарна, не вольна.....	128
Все равно ведь – поздно или рано.....	129
Тот же взгляд, улыбка та же.....	130
В Стамбуле.....	131
Поэзия.....	138
Упамятника Зое.....	141
Что в мире переменном долговечней.....	143

Судьбе слепой не поддавайся.....	145
Плакал дед, когда, страдая, умирал.....	146
Сердце.....	147
Песня девушки.....	149
Все ярче солнце.....	150
Где, скажи, любовь моя.....	151

Поэзия мудрости и доброты.

О Залму Батировой.....	154

ЗАЛМУ БАТИРОВА

Откуда в тебе столько льда	162
Коль мужества в душе твоей заглохнет песня.....	164
Нам суждено идти по жизни с верой.....	166

ГАМЗАТ ИЗУДИНОВ

Лишь миг смотрел на солнце.....	167
Мой родной Арадерих	168
Дом чиновника шикарен и могуч.....	171
Свадьба Махмуда и Муи.....	172
Шолоховский район (часть первая).....	174

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

Наша жизнь – это песня.....	176
Шамиль и царь.....	177
Дикая дивизия.....	178
Чеченская коррида.....	182
Есть и другой кавказ.....	185
Об авторах.....	200

Сергей Соколкин

**ЖИВУТ В ДАГЕСТАНЕ
ГОРЦЫ-АВАРЦЫ**

Стихи аварских поэтов в переводах
Сергея Соколкина

Ответственный за выпуск
Александра Стасюк
Ведущий редактор
Алёна Рудомётова
Компьютерная верстка
Ольга Измайлова
Формат 105х148мм.
Гарнитура Адонис.
Тираж 500 экз.